

САЛАНГ ИМ ДОЛГО БУДЕТ СНИТЬСЯ

Майор милиции Леонид Кедыс до службы в органах внутренних дел два года находился в Демократической Республике Афганистан, выполняя свой воинский и интернациональный долг. Не раз приходилось ему смотреть смерти в глаза. За ратную службу награжден орденом Красной Звезды.

После окончания Новосибирского высшего военно-политического училища Леонида направили для прохождения службы в Литву. В училище все преподаватели и командиры прошли горнило Афганистана. Молодой лейтенант, движимый высокими патриотическими чувствами, неоднократно подавал рапорт о направлении его туда. Немаловажное значение для такого выбора пути имела и стажировка в горнострелковом полку близ озера Иссык-Куль в Киргизии. Рапорт удовлетворили, и Леонид Кедыс попал на знаменитый перевал Саланг. Построенный еще в 1964 году в горах Гиндукуша тоннель Саланг находится на высоте почти четырех тысяч метров над уровнем моря. Он имел большое стратегическое значение для наших войск.

«Службу пришлось нести замполитом 9-й горнострелковой роты 3-го горнострелкового батальона 117-го мотострелкового полка 108-й Невельской Краснознаменной мотострелковой дивизии, известной славным боевым путем еще в годы Великой Отечественной войны, — вспоминает Леонид Николаевич. — В батальоне повстречал и своих земляков с Толочинщины — Михаила Новикова и Ивана Полубинского.

В роте служили вначале преимущественно солдаты из Средней Азии и Кавказа, с ними были определенные трудности. Хотя и советские люди, но со своими национальными особенностями и традициями. А их необходимо было учитывать, иначе не найдешь общий язык.

Лишь потом стали прибывать военнослужащие из других регионов нашей страны. Приходилось трудно. Нес службу наравне со всеми солдатами в условиях высокогорной местности. С грузом в 40 килограммов за плечами (вооружение, боеприпасы, паек) — пешком по горам. Приходилось и минировать местность, чтобы не допустить душманов к своим позициям, и обезвреживать вражеские мины. Стремился к тому, чтобы солдаты осваивали смежные

специальности и могли заменять друг друга в боевых условиях. А это было крайне необходимо, ведь бойцы выбывали из строя – кто из-за болезни, а кто из-за ранений или гибели. На роту возлагалась задача охранять тоннель от бандформирований душманов.

В Панджерском ущелье нам противостояли банды неизвестного полевого командира Ахмад Шах Масуда. Враг был хитер и коварен. Моджахеды минировали дороги, устраивали засады и нападали на колонны автомашин, везших грузы: боеприпасы, провиант, горючее. Но наши бойцы научились с ними воевать. Использовали их же методы. Устраивали засады, минировали места, где могут появиться душманы. Об предполагаемых диверсиях нередко сообщали местные жители. Информация поступала в обмен на одежду и продукты питания.

Отношения с афганцами были весьма своеобразными. Они жили, как в средневековье, несмотря на то, что подходил к исходу двадцатый век. Мужчины из местных кишлаков нередко состояли в душманских бандах. Поэтому местные жители владели информацией, где и когда будет та или иная диверсия, зачастую этими сведениями и торговали.

Душманы тоже собирали сведения о нас. У них обширные родственные связи, и потому информацией они владели отлично. Необходимо было всегда быть начеку. Вроде и доброжелательно относились к нам местные жители, но от них всегда ждали подвоха. А наши большей частью гибли из-за беспечности, невнимательности. Именно там я познал цену человеческой жизни и то, как надо ее беречь.

В подземных ходах, вырытых местными жителями, нередко находили иностранное оружие из многих стран, боеприпасы, бытовую технику.

К нам на вооружение приходило новое качественное оружие, мы его испытывали в бою на прочность. А душманам те, кто стоял за ними, платили за уничтожение нашей техники немалые деньги, и они старались их заработать. Ведь за каждый подбитый танк, автомашину или за самолет заплатят столько, сколько афганец не заработает за целый год.

Вот так прошли два года службы, полных невзгод и лишений. Война это – страшное дело. Пришлось повидать гибель своих товарищей. Но мы все стойко перенесли, никто не струсил, не предал. Не было перебежчиков. Это потом стали тиражировать в отдельных средствах массовой информации сведения о том, что кто-то из наших воинов сдавался в плен, принимал ислам. Может, отдельные такие случаи и были, но мне об этом ничего не известно. Мы честно выполнили свой долг перед Родиной.

Можно сказать, что мне крупно повезло, лихо обошло меня стороной. За участие в операциях по обезвреживанию врага был награжден орденом Красной Звезды.

Вернулся в Советский Союз в период его распада. Армия сокращалась. Попал под сокращение и я. С Дальнего Востока прибыл в Толочин, где родился и вырос. Пошел служить в милицию. Службу закончил старшим участковым инспектором в Толочинском РОВД, в звании майора милиции. Со своими однополчанами поддерживаю связь по Интернету. В прошлом году встречался с ними 9 Мая в Москве на Поклонной горе. И хотя прошло уже больше 25 лет, как вернулся с той войны, но душа до сих пор болит. Наверное, Саланг мне будет еще долго сниться».

Геннадий Косоруков